

СО СВЕЧОЙ В РУКЕ

чем, одно я знаю наверняка: спектакль этот пробует расшевелить наше воображение, помогает вернуть, оживить выветрившуюся способность фантазировать, радоваться и удивляться изобретательному вымыслу. И оказывается, что живое фантазирование,вольная выдумка способны вернуть нас в реальность, избавляя от мифов, конми замучено наше сознание.

...Тихо и скорбно движется Хома [В. Голяк], зажигая одну за другой десять свечей, словно вычерчивая своей третьей, последний круг. В третий раз явится Панночка [Т. Ерентюк]. Не зримо, но намертво свяжет их одна ось, и, словно отраженные друг в друге, будут они, вторя движениям и словам, молиться: он — Господу, она — Сатане. А потом рухнет наземь она, покатится, спеленываясь, словно в кокон, в белую погребальную ткань, и замрет. И унесут ее во мрак, во тьму, откуда явилась она, чтобы опутать-околдовать Хому. Уйдет и он — и будет трепетать в его ладонях слабый огонек свечи, потом задует ее и — грузится в неведомое. Но

перед тем, как уйти, свершит прощальный круг — вынимая по свече из венков-подсвечников и отдавая их нам, словно выведет нас на опустевшую сцену. На сцену ли? Ведь поле гоголевской повести и, значит, поле спектакля — душа человеческая, раздираемая муками борьбы между светом и тьмой, добром и злом.

После спектакля не хотелось говорить — хотелось сохранить то настроение, которое было рождено этим действием. Но один вопрос Виталию Денисенко я все-таки задала: те, кто держал свечи, должны ли были погасить их вслед за героем — чтобы зал погрузился в полную тьму! «А знаете, мы обнаружили удивительную вещь — человек, окруженный мраком, не в силах задуть свечу, которую держит в руках...»

Людмила ТОМЕНЧУК.

● Хома — В. Голяк.

Фото П. Иваненко.
ЗАПОРОЖЬЕ.

Серп месяца светлел на небе. Робкое полночное сияние ложилось легко, как сквозное покрывало, и дымилось на земле. Такой была ночь, когда философ Хома Брут несся с всадником на спине. Хома, впрочем, быстро смекнул, что имеет дело с ведьмой. Сказывают, будто было это на хуторе, верстах в пятидесяти от Киева. Но ведьмы, как известно, народ своенравный, и очутилась наша колдунья со своим бурсаком за знаменитыми днепровскими порогами. Обитают они теперь в Запорожском театре молодежи и впервые показались там на людях тихим теплым вечером, как раз на Ивана Купалу. А до них здесь обновились Электра, Жанна д'Арк, Эзоп, Маугли.

Чуда в том никакого нет — этих и многих других героев давних и совсем близких к нам историй за четыре года своей работы в театре вывел на сцену его главный режиссер Вита-

лий Денисенко. Он окончил Киевский театральный институт, еще студентом успев обрести первых стойких поклонников — театралов Днепропетровска, где до сих пор помнят его дипломный спектакль «Диалоги с Электрой» (по мотивам трагедии Софокла). Постановки Денисенко оказываются в центре внимания на театральных смотрах, о чем говорят премии, дипломы различных фестивалей: за изящный, элегантный «Блэз» К. Манье, изобретательно поставленный «Маугли» по Р. Кипплингу,

психологически многогранный «Эзоп» Г. Фигейредо.

Профессионал скажет, что у этого режиссера развито чувство эстетического целого и, располагая материалом, он умеет соблюсти пропорции; что, извлекая из текста зримые образы, он минимальными средствами умеет создать яркое, понастоящему театральное зрелище. А в общем — что у него четкий режиссерский почерк. Но для Денисенко важна не каллиграфия, а смысл. Он не стремится заслонить собой ак-

теров, давая им возможность попробовать себя в режиссуре (так в репертуаре театра появились моноспектакли Н. Вошиловой «Я — Жанна», А. Выженко «Записки сумасшедшего»).

Но сколько бы мы ни разбирали постановки В. Денисенко, в лучших из них всегда остается нечто неразгаданное, неуловимое — обаяние тайны. «Панночка», по пьесе Нины Садур, — спектакль, в котором образы иллюзорны и вещественны, выстроен на зыбкой грани сна и яви, реальности и фантастики. Впро-